

A woman with brown hair, wearing a white headscarf, a white long-sleeved blouse with puffed sleeves, a brown corset, and a long white skirt with a dark brown apron, stands in a rural setting. She is holding a wooden bucket. In the background, there are wooden houses, a body of water, and a chicken. The sky is blue with some clouds.

Назад в прошлое

Елена Косс

18+

Елена Косс

Назад в прошлое

«Автор»

2026

Косс Е.

Назад в прошлое / Е. Косс — «Автор», 2026

В ту секунду я думала о самых банальных, глупых вещах: о недопитом латте с карамельным сиропом на пассажирском сиденье, о годовом отчете, который не успела отправить начальнику до полуночи, и о том, как нелепо и ярко фары встречного грузовика разрезают подмосковную темноту. Помню, как в салоне моей новенькой, купленной в кредит малолитражки играл какой-то глупый поп-хит. На приборной панели светились цифры: 27 сентября 2026 года.

© Косс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Г	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Косс

Назад в прошлое

Глава 1

Мой 2026 год разбился под визг тормозов и скрежет сминаемого металла.

В ту секунду я думала о самых банальных, глупых вещах: о недопитом латте с карамельным сиропом на пассажирском сиденье, о годовом отчете, который не успела отправить начальнику до полуночи, и о том, как нелепо и ярко фары встречного грузовика разрезают подмосковную темноту. Помню, как в салоне моей новенькой, купленной в кредит малолитражки играл какой-то глупый поп-хит. На приборной панели светились цифры: **27 сентября 2026 года**.

Вспышка боли. Оглушительный, ломающий ребра удар. Мой собственный крик захлебнулся кровью, а затем мир просто выключился, словно перегоревший экран смартфона. Пропали звуки, мысли, страхи. Осталась только звенящая, абсолютная пустота.

Когда я открыла глаза, не было ни белых больничных стен, ни писка мониторов, ни резкого запаха антисептиков, который я так надеялась почувствовать.

Я лежала на сырой, пахнущей гнилью и прелой травой земле. Небо над головой — пронзительно-синее, чистое, без единого следа от самолетных инверсий — кружилось перед глазами, как безумная карусель. Голова разрывалась от дикой, пульсирующей боли. На лбу запеклась корка крови, и каждое движение отзывалось волной тошноты. Кое-как, преодолевая слабость, я попыталась приподняться на локтях, но ладони глубоко погрузились в липкую, холодную грязь.

Вокруг не было трассы. Не было машин. Никаких признаков цивилизации, к которой я привыкла. Ни вышек сотовой связи на горизонте, ни гула далекого шоссе. Только глухая, пугающая стена вековых дубов и покосившиеся плетни серой, словно вымершей деревни в паре сотен метров от меня. Воздух здесь был другим — слишком чистым, густым, пахнущим навозом, печным дымом и сыростью.

— Эй! Помогите... Пожалуйста... Кто-нибудь, — мой голос прозвучал как жалкий, хриплый писк, сорвавшийся с искусанных губ.

Я попыталась осмотреть себя. На мне всё еще были мои любимые джинсы, кроссовки и оверсайз-худи, но вся одежда была изодрана, покрыта комьями земли и бурыми пятнами. Судорожно, дрожащими пальцами я нащупала в кармане телефон. Мой новенький айфон встретил меня мертвым, безнадежно треснувшим экраном. Сети, разумеется, не было. Индикатор показывал полное отсутствие сигнала, прежде чем дисплей окончательно погас. Жизни, которую я знала минуту назад, больше не существовало.

Вдруг сзади послышался тяжелый топот копыт и грубый, хриплый говор. К опушке леса, тяжело переваливаясь на ухабах, приближалась громоздкая деревянная телега, запряженная парой изможденных, лохматых лошадей. На козлах сидели двое мужчин. На них были странные, грязные кафтаны из грубой, серой шерсти, подпоясанные веревками, а на лицах — нечесанные, засаленные бороды. От них даже на расстоянии разило застарелым потом и дешевым табаком.

— Гляди-ка, Михей, что за чудище в овраге валяется? — крикнул один, узкоглазый и щербатый, указывая на меня кнутом. — Одежа-то, одежда... Словно с беса снятая. Штаны на девке! Ишь ты, срам какой! — Живая вроде. Дышит, — ответил второй, сплевывая густую слюну прямо на землю. — Забирай, чего думать. Управляющий в замке говорил, что на кухню прислуги не хватает, девки мрут от лихорадки. Очухается — отработает. Нечего добру пропадать, барин за новую голову авось и отсыпет алтын.

Я хотела закричать, броситься бежать, но измученное аварией тело наотрез отказалось подчиняться. Ноги были словно ватные. Чужие, мозолистые, пропахшие навозом руки бесцеремонно схватили меня за плечи и швырнули на грязную, колючую солому в кузове телеги. Острый прут больно полоснул по щеке. Телегу тряхнуло, копыта застучали по разбитой грунтовке, а я, проваливаясь в черную беспамятность, успела заметить деревянный крест у дороги и покосившуюся надпись на каком-то странном, старославянском шрифте. Сознание снова начало ускользать от меня, а в ушах набатом стучала безумная, дикая мысль: *Это не декорации. Это не исторический фестиваль. Боже мой, куда я попала и какой сейчас век?!*

Телега прыгала по корням деревьев, и каждая колдобина отзывалась вспышкой невыносимой боли в моих сломанных ребрах. Я лежала ничком, зарывшись лицом в пыльную солому, и сквозь полуоткрытые веки наблюдала, как меняется пейзаж. Деревня, мимо которой мы проезжали, выглядела жутко. Маленькие бревенчатые избы с соломенными крышами, вросшие по самые окна в землю. Во дворах бродили тощие свиньи и бросались на телегу облезлые собаки. Полуголые грязные дети с раздутыми животами провожали нас тупыми, испуганными взглядами.

Никаких проводов. Никакого асфальта. Никаких вывесок. Мужчины на телеге переговаривались на странном, ломаном русском языке, употребляя слова, которые я слышала разве что в фильмах про допетровскую Русь или Ивана Грозного.

— Слышь, Степан, а ежели она ведьма? — негромко спросил тот, что сидел слева. — Глянь на обувку её. Слово из литой резины сделана, а подошва белая, чистый снег. И девка стриженная, без косы. Грех это. На костер бы её не отправили. — Молчи, дурак, — огрызнулся Степан, сильнее дергая вожжи. — Управляющий разберется. Главное — до темноты в замок поспеть. Граф Адриан нынче лютует, за опоздание велит конюхам спины плетью перетянуть.

«Граф Адриан...» — это имя эхом отозвалось в моей раскалывающейся голове. В голове не укладывалось, как такое возможно. Теория относительности? Черная дыра на подмосковной трассе? Временная петля? Все мои знания из 2026 года, высшее экономическое образование, умение пользоваться нейросетями и составлять финансовые планы оказались абсолютно бесполезны в этом сыром, вонючем мире, где человеческая жизнь стоила дешевле лошади.

Я попыталась незаметно пошевелить пальцами рук. Работают. Ногти сорваны, под ними забилась черная грязь. Мой нежно-розовый маникюр, сделанный всего три дня назад в дорогом салоне на Патриарших, выглядел теперь как издевательство. Я беззвучно заплакала, и горячие слезы смешивались с грязью на моих щеках. Страх сжимал горло ледяными тисками. Я была одна. В неизвестном веке. Без единого шанса вернуться назад.

Впереди, на холме, окруженном густым сосновым бором, выросли очертания огромного, мрачного замка. Его серые каменные башни врезались в свинцовое небо, а тяжелые кованые ворота были гостеприимно распахнуты. Телега въехала на внутренний двор, вымощенный булыжником, и остановилась.

— Эй, вылезай, чучело! — Степан грубо схватил меня за капюшон худи и буквально вылок из телеги, швырнув на камни.

Я упала на колени, ободрав их до крови. Вокруг тут же собралась толпа любопытных: конюхи в кожаных фартуках, прачки с красными от ледяной воды руками, повара. Все они тыкали в меня пальцами и перешептывались, разглядывая мою современную одежду как диковинного зверя. Я подняла голову и встретила взглядом с высокой, дородной женщиной в темном платье и белом чепце, которая медленно шла ко мне, опираясь на деревянную клюку. Ее лицо было испещрено глубокими морщинами, а маленькие свиньи глазки смотрели на меня с ледяной, безжалостной злобой. Это была ключница. Мой новый кошмар начинался прямо сейчас.

Глава 2

Холод каменных плит внутреннего двора мгновенно протрезвил моё воспаленное сознание. Я лежала на животе, тяжело дыша, а вокруг меня плотным кольцом стояли люди из совершенно чужой, пугающей эпохи. Пахло гарью, навозом, мокрой шерстью и каким-то кислым варевом.

— Ишь ты, вырядилась! Шкуры бесовские! — прошамкала ключница, Ульяна, с силой ткнув меня носком своего тяжелого кожаного башмака в бок. Болевые рецепторы сработали мгновенно — я скрючилась, хватая ртом воздух. — А ну, девки, сдергивайте с неё это непотребство. В печь всё! Живо!

Две дюжие прачки с толстыми красными руками набросились на меня как коршуны. Я пыталась отбиваться, кричала, что они не имеют права, но мои слабые удары лишь раззадорили их. С треском порвалась ткань моего любимого оверсайз-худи. Джинсы безжалостно стянули вместе с кроссовками, оставив меня совершенно обнаженной и беззащитной перед улюлюкающей толпой конюхов и поварят. Мужчины скалились, разглядывая моё тело, не привыкшее к тяжелому физическому труду. Ужас и стыд жгли меня сильнее огня.

— Смотри-ка, чистая какая, белая, словно барыня, — хохотнул один из конюхов, потянувшись к моей груди. — Положу под розги! — зычно прикрикнула Ульяна, и мужчина тут же отпрянул. — Не для твоего рыла барин девку велел держать. На кухню её. Облить ледяной водой, чтоб дурь из башки выбило, переодеть в холст и к очагу!

Через секунду на меня обрушился ушат ледяной колодезной воды. Удар был таким резким, что у меня перехватило дыхание. Вода смыла кровь и грязь, но сковала всё тело судорогой. Дрожащую, меня силой впихнули в жесткую, колючую рубаху из серого неотбеленного льна, которая мгновенно натерла соски и шею, а сверху повязали тяжелую, пахнущую сыростью юбку.

Меня притащили на цокольный этаж замка, где располагалась огромная кухня. Здесь царил настоящий ад: дым стоял коромыслом, у огромных вертелов потели поварята, а в чадящих котлах булькало варево. Кухарка, дородная женщина с багровым лицом по имени Степанида, окинула меня презрительным взглядом.

— Будешь зваться Марфой, — отрезала она, больно ухватив меня за подбородок своими жирными пальцами и заставив смотреть ей в глаза. — Нам в замке графа Адриана фон Брока бездельники не нужны. Будешь мыть котлы, таскать золу и чистить рыбу. Запомни, девка: пикнешь, разобьешь посуду или поленишься — управляющий запрет на конюшне до смерти. Здесь твоя жизнь ни одной полушки не стоит.

Моя попытка заговорить, объяснить, что я — Алиса, что я из Москвы, из 2026 года, вызвала лишь взрыв громового хохота у кухонной прислуги. Степанида с размаху влепила мне тяжелую пощечину. Во рту разлился солоноватый вкус крови.

— Ишь, полоумная! «Мо-о-осква», «двадцать какой год»? Меньше бреди, девка, а лучше за ум берись! — гаркнула кухарка.

Моим «жилищем» стала крошечная, темная каморка под главной каменной лестницей, ведущей на верхние этажи замка. Это был сырой каменный мешок без единого окна. Из «мебели» — лишь охапка гнилой, колючей соломы, брошенная прямо на ледяной пол, и рваное, дурно пахнущее одеяло. По углам скреблись мыши, а от стен веяло замогильным холодом.

Первую неделю я выла от ужаса и бессилия каждую ночь, зажимая рот руками и кусая собственные пальцы, чтобы никто не услышал моих рыданий. Мой идеальный, комфортный мир с умными домами, доставкой еды за пятнадцать минут и теплыми ваннами исчез. Осталась только жестокая реальность XVIII века.

Каждый мой день превратился в бесконечную пытку. На рассвете, когда за стенами замка было еще темно, Ульяна вышибала дверь моей каморки тяжелым сапогом.

— Вставай, корова! Очаг сам себя не вычистит! — орала она.

Я работала по шестнадцать часов в сутки. Мои нежные руки, которые раньше знали только клавиатуру ноутбука и экраны смартфонов, быстро покрылись кровавыми мозолями, цыпками и глубокими порезами от чистки речной рыбы. Кожа на пальцах трескалась от ледяной воды и речного песка, которым меня заставляли до блеска драить огромные медные чаны. Мышцы спины и ног крутило от невыносимой боли, голова постоянно кружилась от недосыпания и голода — весь мой дневной рацион состоял из корки черствого ржаного хлеба и миски пустых щай, в которых плавали лишь капустные ошметки.

Местная прислуга возненавидела меня с первого дня. Для них я была чужачкой, «немой» или «заколдованной», потому что иногда я забывалась и говорила слова из своего времени. Поварята то и дело подставляли мне подножки, когда я тащила тяжелые ведра с водой, а Степанида «случайно» проливала мне на ноги кипящий бульон, наслаждаясь моими слезами. На меня кричали, меня толкали, ко мне относились хуже, чем к замковым псам.

Засыпая на колючей соломе в своей каморке, кутаясь в вонючее тряпье, я дрожала от холода и молила Бога, чтобы всё это оказалось затянувшимся, жутким кошмаром. Я закрывала глаза и пыталась вспомнить свет неоновых вывесок, шум родного города, лицо мамы... Но с каждым днем эти воспоминания становились всё более блеклыми, вытесняемые грубыми голосами, запахом гари и вечным, пронизывающим до костей холодом моего нового заточения. Я понимала, что если не приспособлюсь, то просто умру здесь, в этой темной коморке, и никто никогда не узнает, куда исчезла Алиса.

Глава 3

На исходе второго месяца моего личного ада замок забурлил, точно растревоженный улей. Хозяин, граф Адриан фон Брок, возвратился из длительной столичной поездки. Вместе с ним прибыла огромная кавалькада знатных гостей, слуг и охраны. Поместье, до этого казавшееся мрачным склепом, наполнилось чужими голосами, ржанием породистых коней и звоном оружия. В честь возвращения графа и его побед на дипломатическом поприще был назначен грандиозный пир.

На цокольном этаже, в душных недрах замковой кухни, воцарился настоящий, первозданный хаос. Воздух здесь стал настолько густым и горячим от дыма десяти огромных печей, что дышать было практически невозможно. Потолок покрылся свежими слоями черной копоти, а на полу то и дело разливали жир, кровь забитых животных и прокисшее пиво. Степанида, чье лицо от жара очагов стало свекольно-багровым, металась между вертелами с безумными глазами, раздавая тяжелые пощечины поварьям направо и налево.

Я стояла у огромного чана, согнувшись в три погибели, и пыталась отмыть ледяной водой пригоревшую корку с медного котла. Пальцы, покрытые глубокими, незаживающими трещинами, ныли от невыносимой боли при каждом соприкосновении с жесткой речной травой и песком. Моё серое холщовое платье давно промокло насквозь, липнув к исхудавшему телу, а выбившиеся из-под грязного чепца светлые волосы намокли от пота и лезли в глаза.

— Марфа! Твою душу на конюшню! А ну живо бросай котел, полоумная! — истошно закричал эконо́м, подбегая ко мне со спины. Его сухая, костлявая рука больно впиалась в моё плечо, разворачивая к столу. — Девоч не хватает! Некому дичь благородным господам разносить. Хватай блюдо и дуй наверх. Не дай Бог хоть каплю жира прольешь на ковер — живьем кожу спущу!

В мои дрожащие, покрытые ссадинами руки толкнули гигантское, невероятно тяжелое серебряное блюдо. На нем, окруженное печеными яблоками и облитое темным соусом, лежало разорванное мясо дикого кабана. Вес серебра и еды был таким, что мои истощенные мышцы мгновенно закричали от перенапряжения. Суставы запястий хрустнули.

— Иди, чего встала! И глаза в пол держи, тварь! На господ смотреть не смей! — прикрикнула сзади Степанида, пихая меня к тяжелой дубовой двери, ведущей на парадную лестницу.

Каждая ступень вверх давалась мне с колоссальным трудом. Ноги, обутые в грубые, самодельные кожаные поршни, скользили по каменным плитам. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, отдавая пульсирующей болью в висках. Я безумно боялась упасть, боялась этого чужого, жестокого мира, где за любую ошибку платили кровью.

Когда я переступила порог главного пиршественного зала, волна звуков, запахов и света оглушила меня. Огромное, высокое помещение с готическими сводами было залито сиянием тысяч восковых свечей, горевших в массивных люстрах. Воздух был пропитан дорогим парфюмом, ароматом заграничных вин, жареного мяса и пороховым дымом от факелов у стен. За длинными дубовыми столами, покрытыми белоснежными скатертями, сидела местная аристократия. Мужчины в расшитых золотом камзолах, бархатных кафтанах и напудренных париках громко смеялись, звенели кубками и хвастались охотничьими трофеями. Женщины с высокими прическами, в пышных платьях с удушающе глубокими декольте, жеманно обмахивались веерами.

Я шла вдоль столов, коченея от ужаса, стараясь слиться с серыми тенями на стенах. Мои глаза, как и было приказано, были прикованы к носкам моих грязных туфель. Тяжесть блюда становилась невыносимой, руки мелко дрожали, а соус от мяса опасно плескался у самых краев серебра.

Я почти дошла до центрального, самого роскошного стола, когда сидевший спиной ко мне подпивший барон резко, с грохотом отодвинул свой тяжелый стул назад, преграждая мне путь.

Вскрикнув от неожиданности, я споткнулась. Моя нога подвернулась на скользком полу. Тяжелое серебряное блюдо выскользнуло из онемевших пальцев. Время словно замедлило свой ход, как в замедленной съемке из моего родного 2026 года. Блюдо с грохотом упало на край стола, перевернувшись. Жареное мясо с чавкающим звуком вывалилось на скатерть, а густой, темный соус брызнул во все стороны, пачкая золоченые приборы и рукава стоявшего рядом кресла.

В зале мгновенно наступила гробовая, звенящая тишина. Музыка смолкла. Сотни глаз обратились в мою сторону. Я стояла на коленях, тяжело дыша, уткнувшись взглядом в испачканный соусом ковер, и понимала: это конец. Сейчас меня убьют. Просто забьют плетью прямо здесь, на глазах у этих напудренных господ.

— Кто допустил сюда эту неуклюжую, грязную корову? — раздался ленивый, но от которого мороз прошел по коже, низкий, бархатный голос, разорвавший тишину. В нем слышалась абсолютная, непререкаемая власть и леденящая душу жестокость.

Страх, первобытный и дикий, заставил меня нарушить строжайший запрет. Я медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, подняла голову.

Во главе центрального стола сидел он. Граф Адриан фон Брок.

На нем не было нелепого белого парика, как на остальных мужчинах. Его густые, иссиня-черные волосы были небрежно зачесаны назад и перевязаны простым кожаным ремешком. Черный бархатный камзол с серебряным шитьем подчеркивал широкий разворот его мощных плеч. Лицо графа казалось безупречной, но хищной маской: резкие, словно высеченные из темного мрамора скулы, прямой аристократический нос и тонкие губы, изогнутые в брезгливой, опасной усмешке. Но самым страшным и гипнотическим были его глаза. Пронзительные, темные, цвета грозового неба, они смотрели прямо на меня, выжигая остатки моей воли.

Между нами словно лопнула невидимая струна высокого напряжения. Физически ощутимый разряд тока пронзил воздух зала. У меня мгновенно перехватило дыхание, сердце пропустило удар, а затем бешено заколотилось где-то в самом горле. Мое тело, секунду назад дрожавшее от холода и страха, обдало неестественным, удушающим жаром.

Граф Адриан медленно наклонился вперед, опершись локтями о стол. Его хищный взгляд скользнул по моим искусанным, пересохшим губам, поднялся к растрепанным светлым волосам, выбившимся из-под чепца, и опустился к тяжело вздымающейся груди под тонким холстом рубахи. В его глазах холодная ярость и обычное презрение к прислуге вдруг сменились чем-то иным — темным, первобытным, пугающим и голодным интересом. Он смотрел на меня так, словно видел насквозь всю мою ложь, всю мою чужеродность.

Я заворуженно смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Это был не мужчина из моего века — мягкий, политкорректный, предсказуемый. Перед со мной сидел настоящий альфа-хищник, абсолютный хозяин этих земель и человеческих жизней, привыкший брать всё, что пожелает, и не знающий слова «нет».

Адриан медленно протянул руку к своему золотому кубку с вином. На его длинных, сильных пальцах поблескивал массивный перстень с семейной печаткой. Его движения были полны кошачьей грации. Не сводя с меня своих гипнотизирующих глаз, он намеренно опрокинул кубок, и рубиновая жидкость медленно потекла по скатерти, капая на пол прямо возле моих колен.

— Уберите мясо, — тихо приказал он, но его тихий голос разнесся по залу сильнее пушечного выстрела. Слуги тут же бросились подбирать куски, но граф остановил их взмахом руки. — Нет. Пусть убирает она. Самостоятельно.

Я, давясь слезами стыда и унижения под выжидающими взглядами сотен гостей, потянулась вперед, собирая скользкие куски дичи руками. Когда я потянулась за упавшим кубком, граф Адриан резко опустил свою руку на мою.

Этот короткий, прямой контакт взорвался внутри меня ослепительной вспышкой. Его ладонь была горячей, сухой и жесткой, с мозолями от меча. Моя маленькая, израненная ручка казалась крошечной и совершенно беззащитной в его хватке. Ток, прошедший через наши тела, заставил меня вздрогнуть. Адриан сжал мои пальцы чуть сильнее, чем требовалось, заставляя меня приподняться и оказаться лицом к лицу с ним. Расстояние между нами сократилось так, что я почувствовала дорогой запах его парфюма с нотами табака, кожи и какого-то терпкого мускуса.

— Как твое имя, дикарка? — тихо, почти интимно спросил граф, и этот вопрос заставил весь зал замереть в глубоком недоумении. Господа переглядывались: хозяин замка никогда не снисходил до разговоров с дворовыми девками.

— Али... Марфа, ваша милость, — выдохнула я, едва сдерживая рыдания, чувствуя, как под его властным взглядом рушатся все мои психологические защиты из 2026 года. Здесь я была его вещью. И он это знал.

Граф медленно отпустил мою руку, но его пальцы напоследок чувственно скользнули по моей обнаженной коже запястья, оставляя за собой невидимый след из огня.

— Пошла вон, Марфа, — тихо произнес он, но в его глазах вспыхнуло такое темное обещание, от которого мои колени окончательно подогнулись. — Мы еще продолжим этот разговор.

Я вскочила и, не помня себя от ужаса, стыда и странного, пугающего возбуждения, бросилась вон из зала, спиной чувствуя его тяжелый, провожающий меня взгляд.

Глава 4

Я бежала по бесконечным, мрачным коридорам замка, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза, превращая чадающие факелы на стенах в размытые огненные пятна. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, а ладонь, которой коснулся граф Адриан, до сих пор горела, словно к ней приложили раскаленное клеймо. Этот безумный, первобытный страх пополам с непонятым, удушающим вождением парализовал мои мысли. В моем родном 2026 году мужчины завоевывали внимание вежливыми сообщениями, цветами и свиданиями. Здесь же один взгляд темных, как грозовое небо, глаз лишил меня всякой воли и заставил почувствовать себя загнанной добычей.

Когда я влетела на кухню, там меня уже ждали.

Атмосфера праздника, царившая наверху, сюда не долетала — здесь по-прежнему пахло гарью, потом и пролитым жиром. Степанида стояла посреди помещения, скрестив на огромной груди мощные руки. Ее лицо из багрового стало почти синим от ярости. Поварята и прачки замерли у стен, глядя на меня с предвкушением жестокого зрелища. Личные обиды, зависть и злоба низших сословий всегда требовали выхода, и я была идеальной мишенью.

— Ах ты, тварь полоумная! — взревела кухарка, делая тяжелый шаг мне навстречу. — Ты что же это устроила, паршивка?! Из-за тебя, из-за твоих кривых лап барин мог всю кухню под розги пустить! На благородных господ вылупилась, сука?! Заигрывать вздумала?!

— Я не... я споткнулась, барон двинул стул... — попыталась оправдаться я, отступая назад, пока спина не уперлась в холодную, влажную каменную стену.

— Молчать! — Степанида с неожиданной для ее грузного тела скоростью шагнула вперед и наотмашь влепила мне пощечину.

Удар был такой силы, что в ушах зазвенело, а из глаз посыпались искры. Я отлетела в сторону, больно ударившись бедром о край дубового стола. Но кухарка не успокоилась. Она схватила меня за волосы, вырывая пряди, и повалила на грязный, покрытый помоями пол.

— Мы из тебя эту дурь столичную быстро выбьем! — тяжело дыша, приговаривала она, нанося мне удары тяжелыми, как колотушки, кулаками по спине и плечам. — Будешь знать, как хвостом крутить перед его милостью! Ты — грязь под нашими ногтями! Тварь бесродная!

Никто не заступился за меня. Поварята лишь тихо улюлюкали, а молодые служанки, в чьих глазах горела чистая, концентрированная зависть к тому, что граф вообще заговорил со мной, одобрительно кивали. Для них я была выскочкой, чужестранкой, которая не умела правильно кланяться и говорила на странном языке.

Когда Степанида наконец устала и, тяжело отдуваясь, отошла, я осталась лежать на полу, сжавшись в комок. Каждое дыхание отзывалось невыносимой болью в ребрах, лицо опухло, а из разбитой губы на грязные плиты капала темная кровь.

— Схватите её и бросьте в каморку! — крикнула ключница Ульяна, появившаяся в дверях с деревянной клюкой. — На засов заприте! И чтобы три дня ни капли воды, ни корки хлеба этой дряни не давали! Пусть подохнет, коли работать не желает!

Двое некстати подвернувшихся конюхов грубо подхватили меня под мышки и поволокли по коридору. Мои ноги безвольно волочились по полу, оставляя грязные полосы. Они швырнули меня на колючую, прелую солому в моей крошечной каморке под лестницей, и тяжелая дубовая дверь захлопнулась с глухим, зловещим стуком. Скрежет железного засова прозвучал как приговор.

Я осталась в абсолютной, звенящей темноте.

Боль в теле была сильной, но еще сильнее была ментальная боль. Я лежала, уткнувшись лицом в вонючее тряпье, и тихо, беззвучно плакала. В голове крутились картины из прошлой жизни: моя уютная квартира в Москве, чашка горячего чая, мягкая постель, безопасность,

законы, права человека... Всего этого больше не было. Я была заперта в сыром каменном мешке, избитая, голодная, лишенная всякой надежды на спасение. Сколько я так пролежала — часы или вечность — я не знала. Время в этой темноте потеряло всякий смысл. Наверху постепенно затихали звуки пира: пьяные крики, музыка и топот ног сменялись глухой ночной тишиной. Замок погружался в сон.

Около полуночи я услышала странные звуки. Шаги.

Они были не похожи на шарканье Ульяны или тяжелую поступь конюхов. Это были размеренные, уверенные и мягкие шаги хищника, крадущегося в ночи. Сердце в моей груди сделало кульбит и замерло. Шаги остановились прямо у моей двери.

Раздался резкий скрежет засова. Дверь медленно отворилась, и в душный, пахнущий сыростью полумрак моей каморки ворвался яркий свет факела, заставив меня зажмуриться от боли в глазах.

На пороге стоял граф Адриан фон Брок.

На нем уже не было парадного камзола — только тонкая рубаша из белого тончайшего шелка, расстегнутая на груди, обнажающая рельефные мускулы и смуглую кожу, да темные кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги. В одной руке он держал факел, который тут же закрепил в железном кольце у входа, а в другой — тяжелый серебряный ключ. На его лице не было и следа пьянства, только холодная, расчетливая сосредоточенность.

Он закрыл за собой дверь и повернулся ко мне. Его пронзительный, темный взгляд мгновенно оценил обстановку: растрепанная солома, моя изодранная, испачканная кровью и грязью рубаша, опухшая щека и разбитая губа. Его брови едва заметно сошлись у переносицы, а в глубине глаз на секунду вспыхнуло опасное, грозное пламя.

— Кто это сделал? — тихо, но так, что у меня по спине пробежали ледяные мурашки, спросил он.

Я молчала, сжавшись в самый дальний угол каморки, прижимая колени к груди и пытаясь прикрыть остатками юбки обнаженные ноги. Я безумно боялась его. В этом замкнутом пространстве от него исходила такая мощная, животная энергетика, что воздух казался наэлектризованным.

Граф медленно, не торопясь, подошел ближе и опустился на одно колено прямо передо мной, не обращая внимания на грязь и гнилую солому. Дорогой запах его парфюма — табак, кожа и мускус — мгновенно вытеснил из каморки запах сырости.

— Я задал вопрос, дикарка, — повторил он, и его длинные, сильные пальцы мягко, но непреклонно легли на мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза. — Кто посмел тронуть то, что привлекло мое внимание?

— Кухарка... Степанида, — едва слышно прошептала я, чувствуя, как от его прикосновения по телу снова разливается этот сумасшедший, пугающий жар. Моя нижняя губа задрожала, и одинокая слеза скатилась по щеке, падая прямо на его палец.

Адриан медленно, большим пальцем стер эту слезу, а затем его рука скользнула по моей шее, задерживаясь на бьющейся жилке. Его пальцы были горячими, жесткими от постоянных тренировок с оружием, и этот контраст с моей нежной, израненной кожей был почти болезненным.

— Она заплатит за это. Завтра же ее спина познает кнут, — ровно произнес он, словно говорил о погоде, но я поняла, что он не шутит. — Никто в этом замке не имеет права прикасаться к тому, что я выделил из стада.

— Зачем вы здесь, ваша милость? — спросила я, собрав остатки мужества и пытаясь отстраниться, но его хватка на моей шее стала чуть крепче, не позволяя двинуться.

Граф Адриан наклонился еще ближе. Его губы оказались в каких-то миллиметрах от моего уха, и я почувствовала его горячее, прерывистое дыхание.

— Ты не такая, как они, Марфа. Или как тебя там зовут на самом деле, — тихо пророкотал он, и его свободная рука медленно, намеренно опустилась на мое бедро, сквозь тонкую холщовую ткань рубахи, поднимаясь выше. — В твоих глазах нет того рабского страха, что у остальных. В них горит огонь. Огонь, который я хочу приручить. Твое тело создано не для того, чтобы мыть котлы и спать на гнилой соломе.

Его ладонь двигалась по моей коже, оставляя за собой дорожку из чистого пламени. Мой разум из 2026 года кричал, что это насилие, что я должна кричать, бороться, но мое истощенное, измученное тело предательски отзывалось на его ласку. Слишком долго меня лишали человеческого тепла, слишком сильно было напряжение этих месяцев. Я тихо охнула, когда его пальцы сжали мою талию, притягивая меня ближе к его мощному, горячему телу.

— Ты будешь моей, дикарка, — прошептал Адриан, и его губы накрыли мои в жестком, требовательном и одновременно обжигающем поцелуе.

Он пах вином и опасностью. Его язык бесцеремонно ворвался в мой рот, сминая сопротивление, пробуждая внутри меня такую бурю эмоций, от которой закружилась голова. Я уперлась ладонями в его грудь, чувствуя, как под тонким шелком его рубашки бешено бьется его сердце, но уже через секунду мои пальцы сами собой судорожно сжали ткань, и я, подчиняясь первобытному инстинкту, ответила на этот поцелуй с той драматичной, накопленной за месяцы отчаяния страстью, которой сам граф явно не ожидал.

Он отстранился так же внезапно, как и подчинил меня. Его глаза горели темным, торжествующим огнем, а дыхание было тяжелым. Граф поднялся во весь рост, глядя на меня сверху вниз, словно на свою законную добычу.

— Завтра твоя жизнь изменится, Марфа, — бросил он, забирая факел. — Готовься.

Каморка снова погрузилась в темноту, но теперь эта темнота больше не казалась мне прежней. Она была наполнена ароматом его парфюма и обещанием скорой, неотвратимой бури.

Глава 5

Утро ворвалось в мою каморку не от грубого пинка Ульяны, а от непривычного, пугающего шума, доносившегося со двора. Я лежала на своей соломе, не в силах пошевелиться. Всё тело ныло после вчерашних побоев Степаниды, но губы всё еще помнили обжигающий, требовательный вкус поцелуя графа Адриана. Мысли путались. Могла ли я, дипломированный экономист из технологичного 2026 года, подумать, что буду дрожать в темноте средневекового подземелья, ожидая решения своей судьбы от деспотичного аристократа?

Скрежет засова заставил меня вздрогнуть. Дверь распахнулась, и на пороге появилась ключница Ульяна. Но на её лице больше не было привычной спеси и злобы. Она была бледной, как полотно, её губы тряслись, а руки, сжимавшие связку ключей, мелко дрожали. Она посмотрела на меня так, словно увидела восставшего из могилы мертвеца.

— Вставай... Марфушенька, вставай, милая, — её голос, обычно напоминавший воронье карканье, сейчас звучал заискивающе и сипло. — Барин велел... Его милость приказать изволил. Живо наверх тебя вести.

Я медленно поднялась, преодолевая боль в отбитых ребрах. Колочая солома посыпалась с холщовой рубахи. Ульяна отступила назад, пропуская меня вперед, и я увидела, что в коридоре стоят две молодые горничные, держащие в руках тазы с горячей водой, чистые простыни и сверток из дорогой ткани.

Когда мы вышли во внутренний двор, я обомлела. Посреди двора, привязанная к позорному столбу, стояла кухарка Степанида. Её рубаха на спине была разорвана, а двое дюжих конюхов безжалостно опускали на её жирную кожу кожаные плети. Хлыст свистел в воздухе, оставляя багровые, сочащиеся кровью полосы. Кухарка выла, молила о пощаде, но конюхи были неумолимы. На галерее второго этажа, опершись на каменные перила, стоял граф Адриан. Он лениво наблюдал за казнью, потягивая вино из кубка. На нем был утренний шелковый халат, а темные волосы свободно падали на плечи.

Вся прислуга замка собралась во дворе. Они стояли тише травы, боясь шелохнуться. Когда я прошла мимо них, сотни взглядов скрестились на мне. Но теперь в них не было презрения или издевки. В них застыл первобытный, леденящий ужас. Они поняли, что избитая «полоумная девка» одним словом уничтожила грозную кухарку, державшую в страхе всю челядь. Меня панически боялись.

Меня привели в личные покои графа на верхнем этаже, куда дворовой прислуге путь был заказан. Это была огромная, залитая светом комната, разительно отличавшаяся от сырого подвала. Стены были затянуты тяжелыми гобеленами с изображениями сцен охоты, на полу лежали пушистые шкуры медведей, а в углу возвышалась гигантская кровать под балдахином из темно-синего бархата. В камине весело потрескивали дрова, наполняя воздух теплом и ароматом сосновой смолы.

— Мыть её. Переодеть. Привести в порядок, — раздался с порога низкий голос Адриана. Он вошел в покои, и служанки тут же низко склонились, едва не касаясь носами пола. — И оставьте нас.

Меня заставили залезть в огромную деревянную бадью, наполненную теплой водой, в которой плавали лепестки роз и пахучие травы. После двух месяцев грязи и ледяной колодезной воды это казалось райским блаженством. Горничные бережно, словно я была хрустальной вазой, смыли с меня замковую пыль, обработали мои раны и порезы на пальцах какими-то ароматными мазями. Мои светлые волосы тщательно вымыли и расчесали, отчего они легли на плечи мягкими волнами.

Затем меня облачили в тонкое, почти невесомое нижнее платье из белого батиста, которое стягивало талию, но оставляло плечи и шею обнаженными. Ткань ласкала кожу, изголодавшуюся по чистоте, но я понимала: это платье — не подарок. Это одежда дорогой игрушки.

Горничные испарились, тихо прикрыв за собой тяжелые двери. Я осталась стоять посреди комнаты, обхватив себя руками за плечи. Сердце колотилось в груди. Временная петля выдернула меня из цивилизованного мира и швырнула в лапы к человеку, который распоряжался жизнями людей как вещами.

Адриан медленно подошел ко мне со спины. Его шаги были бесшумными. Я почувствовала его приближение по внезапно сгустившемуся воздуху и знакомому аромату дорогого табака и мускуса. Его большие, горячие ладони легли на мои обнаженные плечи, и по моему телу мгновенно пробежала судорожная дрожь.

— Ну вот, теперь ты похожа на человека, дикарка, — тихо пророкотал он над моим ухом. Его пальцы медленно сжали мои плечи, разворачивая меня к себе лицом.

Я подняла глаза и утонула в его темном, гипнотическом взгляде. Вблизи его лицо казалось еще более хищным и волевым. В его глазах горел тот же опасный, голодный огонь, что и прошлой ночью в каморке. Его взгляд скользнул по моей шее, опустился к глубокому вырезу батистового платья, под которым бешено вздымалась моя грудь, и снова вернулся к моим губам.

— Вы жестоки, ваша милость, — выдохнула я, пытаюсь удержать остатки гордости, хотя колени предательски подгибались. — Вы велели избить Степаниду... Она ведь просто защищала свои порядки.

Адриан коротко, жестко усмехнулся, и его рука поднялась, длинными пальцами перебирая пряди моих вымытых волос.

— Мои порядки — единственные, которые существуют в этом замке, — отрезал он, и в его голосе прозвучал металл. — Ни одна тварь не смеет портить то, на что я наложил руку. Ты больше не вернешься на кухню, Марфа. Твое место здесь. Ты будешь моей личной прислугой. Будешь подавать мне вино, разжигать камин... и согревать мою постель, когда я этого пожелаю.

— А если я откажусь? — дерзко спросила я, и эта фраза, слетевшая с моих губ, заставила графа на мгновение замереть. Гордые девушки XXI века не сдаются без боя, даже если против них средневековый феодал.

Его глаза опасно сузились. Хватка на моих волосах резко усилилась, он дернул меня на себя, заставляя вплотную прижаться к его жесткому, мускулистому телу. Я почувствовала жар, исходящий от него, и твердость его намерений.

— У тебя нет права на «нет», дикарка, — прошептал он прямо в мои губы, обжигая дыханием. — Ты принадлежишь мне. Вся. От этих золотых волос до кончиков пальцев. И если ты вздумаешь бунтовать, я найду способ сломать твою гордость. Но поверь... тебе понравится подчиняться.

Он резко наклонился и накрыл мои губы властным, сокрушительным поцелуем. Это не было нежностью — это было заявление прав собственности. Его язык собственнически ворвался в мой рот, сжигая все мои ментальные барьеры. Одной рукой он намертво держал меня за затылок, а другая рука бесцеремонно скользнула вниз, сжимая мою талию и прижимая мои бедра к своим. Внутри меня взорвался первобытный хаос. Драматизм ситуации, страх перед его силой и это дикое, запретное вожделение смешались в один гремучий коктейль. Я тихо застонала, и мои руки, вопреки рассудку, взлетели вверх, путаясь в его длинных черных волосах и отвечая на поцелуй со всей страстью, на которую я была способна.

Когда он наконец отпустил меня, я едва держалась на ногах, хватая ртом воздух. Мои губы горели и припухли, а батистовая рубашка на груди была смята его сильными пальцами. Адриан смотрел на меня с торжествующей, хищной улыбкой. Он знал, что победил в этом первом раунде.

В этот момент тяжелая дубовая дверь без стука распахнулась, и в покои стремительным шагом вошел мужчина. На нем был роскошный военный мундир, расшитый золотыми позументами, а на бедре покачивалась сабля. У него были светлые, циничные глаза и порочное, красивое лицо.

— Адриан, друг мой! — громко крикнул вошедший, но тут же осекся, увидев меня в полуобнаженном виде посреди комнаты графа. Его взгляд мгновенно маслянисто заблестел, сканируя мою фигуру с неприкрытым вождением. — Ба... Какая нимфа прячется в твоей берлоге! Кто эта прелестная пташка?

Это был князь Филипп, лучший друг графа Адриана. И в его глазах я прочитала новую, еще более страшную угрозу для себя.

Глава 6

Появление князя Филиппа ворвалось в душную, пропитанную греховным жаром комнату подобно ледяному сквозняку. Я судорожно отпрянула от Адриана, едва не споткнувшись о медвежью шкуру на полу, и попыталась прикрыть руками глубокий вырез батистового платья. Тонкая ткань, липнувшая к телу после купания, казалась теперь прозрачной под сальным, раздевающим взглядом вошедшего.

Филипп небрежно швырнул свои расшитые золотом перчатки на круглый столик у входа. Его светлые, почти прозрачные глаза, лишенные и намека на стыд, медленно скользили по моим обнаженным плечам, опускались к тонкой талии и задерживались на тяжело вздымающейся груди. На его порочном, холеном лице заиграла дерзкая, хозяйская улыбка человека, привыкшего получать всё по щелчку пальцев.

— Так-так, Адриан... — протянул Филипп, медленно обходя меня по кругу, словно породистую кобылицу на ярмарке. От него разило дорогим табаком, конским потом и хмелем. — Ты, я вижу, зря времени не терял. Откуда в твоей глуши такое сокровище? Белая кожа, золотые волосы... Эта птичка явно не из здешних крепостных хабалок. Где ты ее откопал?

Я стояла неподвижно, боясь пошевелиться, чувствуя себя беззащитной дикаркой перед двумя первобытными хищниками. Мой разум из 2026 года бунтовал, требовал высказать этому наглому военному всё, что я думаю о его манерах, но липкий страх перед плетью и полной бесправностью сковывал язык.

— Это Марфа. Моя новая личная служанка, — отрезал Адриан.

Его голос прозвучал как удар топора — сухо, коротко и невероятно опасно. Граф даже не повернулся к другу, но я заметила, как на его челюсти заходили желваки, а сильные пальцы, минуту назад ласкавшие мои волосы, сжались в кулак так, что побелели костяшки. В воздухе мгновенно сгустилось осязаемое, удушающее напряжение. Два альфа-самца замерли друг напротив друга, разделив взглядами общую добычу.

— Служанка? — Филипп издал короткий, циничный смешок и остановился в полушаге от меня. Я почувствовала жар, исходящий от его расшитого мундира. Он дерзко протянул руку и кончиком пальца коснулся моей ключицы, медленно ведя вниз, к краю ткани. — Слишком хороша для того, чтобы мыть полы, друг мой. У нее руки мягкие, барынины. Такой фарфор разобьется от тяжелой работы. Уступи ее мне, Адриан? Ты же знаешь, я щедр. Проси, что хочешь. Моего вороного жеребца, за которого французский посол предлагал целое состояние? Или пару сотен душ из моего южного поместья? Мне нужна эта девка. Прямо сейчас, в моей постели.

От его слов и прикосновения меня передернуло от отвращения. Я сделала резкий шаг назад, поближе к Адриану, ища у своего мучителя защиты от еще большего зла. Филипп лишь раззадорился от моего отпора, его глаза вспыхнули хищным азартом.

— Ишь ты, с характером! Обожаю строптивых, их ломать интереснее, — Филипп резко подался вперед, хватая меня за запястье. Его пальцы впились в мою кожу железной хваткой. — Пойдешь со мной, красавица. Я покажу тебе, как умеют любить столичные князья.

— Отпусти её, Филипп, — тихо, почти шепотом произнес Адриан.

Этот шепот был страшнее любого крика. В ту же секунду граф рванулся вперед с кошачьей быстротой. Его тяжелая ладонь легла на плечо князя, и Адриан с силой рванул друга на себя, заставляя того разжать пальцы и отпустить мою руку. Я отлетела к камину, тяжело дыша и потирая вспыхнувшее красным запястье.

Филипп отступил на шаг, его лицо мгновенно растеряло напускное веселье. Рука князя инстинктивно легла на эфес сабли, висевшей на бедре. Замок оружия сухо щелкнул.

— Ты бунтуешь из-за дворовой девки, Адриан? — процедил Филипп, и его светлые глаза сузились, превратившись в две ледяные щели. — Мы дружим с кадетского корпуса. Мы проливали кровь в одних окопах. И ты ставишь эту грязь выше нашей дружбы?

Адриан сделал шаг вперед, полностью закрывая меня своим мощным телом от взгляда князя. Под шелковым халатом графа перекачивались стальные мускулы. Он смотрел на Филиппа сверху вниз с леденящим душу превосходством.

— Эта девка — моя, — раздельно, чеканя каждое слово, произнес Адриан, и в его глазах зажглось то самое грозное, безумное пламя, которое я видела ночью. — Я подобрал ее в овраге. Я подарил ей жизнь. И я установил на нее свои права. Если ты коснешься её еще хоть один раз, Филипп... наша дружба останется лежать здесь, на этих камнях, вместе с твоей головой. Мне плевать на твоих жеребцов и твои деревни. Вынь руку с эфеса, пока я не сломал её.

Атмосфера в комнате накалилась до предела. Я замерла у камина, чувствуя, как жар от огня обжигает спину, а спереди меня душит ледяная ярость двух мужчин. Казалось, еще секунда — и обнажатся клинки, а комната окрасится кровью. Филипп пристально смотрел в глаза Адриана, пытаясь найти там хоть каплю сомнения или блефа. Но граф был непоколебим, как скала. Он был готов драться насмерть за свою вещь. За меня.

Наконец, Филипп медленно, с явным усилием убрал руку от сабли. На его губы вернулась натянутая, ядовитая усмешка, но в глубине глаз затаилась смертельная обида и жажда реванша.

— Что ж... — тихо произнес князь, забирая со стола свои перчатки. — Ты стал слишком ревнив, Адриан. Посмотрим, как долго ты сможешь охранять свое сокровище. Государь подписал указ о военном походе против османов. Выступаем через три дня. Твой полк идет в авангарде. Там, на войне, пули не разбирают, кто граф, а кто князь. И уследить за всем будет трудно.

Филипп бросил на меня последний, долгий, обещающий скорую расправу взгляд и стремительно вышел из покоев, с грохотом захлопнув за собой дубовую дверь.

В комнате снова повисла тишина, прерываемая лишь треском дров в камине. Мои колени окончательно ослабли, и я медленно опустилась на пол, обхватив себя руками. Адриан медленно повернулся ко мне. Его дыхание было тяжелым, а лицо — бледным от сдерживаемой ярости. Он подошел, грубо схватил меня за подбородок и заставил поднять голову.

— Видишь, сколько проблем от тебя, дикарка? — прорычал он, но в его пальцах, державших мое лицо, я почувствовала странную, пугающую дрожь. — Филипп не отступит. Он подстережет тебя при первой возможности. Поэтому ты не останешься здесь. Через три дня ты отправляешься на войну вместе со мной. Ты будешь моей игрушкой в походном шатре, под моим личным присмотром. Готовься к ада, Марфа. Настоящий кошмар только начинается.

Глава 7

Три дня пролетели как один кошмарный, лихорадочный сон. Замок Адриана превратился в кипящий военный лагерь. Во дворе с утра до ночи гремели кузнечные молоты, спешно подковывая боевых коней и латая кирасы. Скрипели тяжелые повозки обоза, груженные бочками с порохом, солониной, крупой и сукном. Раздавались резкие выкрики офицеров, муштрующих ополченцев и регулярных солдат. Готовился огромный караван, которому предстояло пройти сотни верст на юг, к границам Империи, навстречу разгорающейся войне с османами.

Для меня эти три дня превратились в ускоренный курс выживания. Гордость и изнеженность городской жительницы 2026 года, привыкшей к комфортным поездкам, кондиционерам и мягким сиденьям такси, были безжалостно растоптаны. Никто не собирался шить мне дорожные платья или выделять отдельную карету. Мой статус «игрушки» графа не давал мне привилегий среди солдат — он лишь делал меня клейменной вещью хозяина.

На рассвете третьего дня Ульяна швырнула мне ворох походной одежды. Вместо батистового платья мне пришлось натянуть на себя жесткие шаровары из грубого сукна, тяжелую холщовую рубаху и длинный кафтан, подпоясанный кожаным ремнем. На ноги выдали огромные, жесткие сапоги из свиной кожи, которые мгновенно, стоило мне сделать всего десяток шагов по комнате, до крови стерли мне пятки. Волосы велели спрятать под плотный мужской платок, чтобы лишний раз не привлекать внимание оголодавших солдат.

— Ишь, вырядилась, чучело, — прошипела одна из молодых горничных, со злобой затягивая ремень на моей талии так, что у меня перехватило дыхание. — Думала, барыней станешь? Граф натешится в первом же шатре и выбросит тебя интендантам. Там тебе и место.

Я промолчала. Во мне больше не осталось сил на споры. Страх перед неизвестностью и надвигающейся войной парализовал волю.

Когда полк наконец выступил, реальность оказалась стократ хуже любых моих самых мрачных ожиданий. Граф Адриан ехал впереди авангарда на своем великолепном вороном жеребце. Одетый в сверкающую кирасу, с треуголкой на голове и тяжелым палахом на бедре, он выглядел безупречным и безжалостным богом войны. За всё утро он ни разу не обернулся назад, где в пыльном, громыхающем хвосте обоза шла я.

Меня приставили к одной из походных телег, груженной палатками и личными вещами графа. Идти приходилось пешком, наравне с погонщиками и пехотинцами низших чинов. Дорога — если это месиво из грязи, глубоких колдобин и острых камней вообще можно было назвать дорогой — изматывала с первых же километров. Военная колонна поднимала такие тучи серой, удушливой пыли, что уже через час мои глаза дико резало, а в горле стоял сплошной сухой ком. Каждый вдох отдавался кашлем.

Сапоги оказались настоящим орудием пытки. Безжалостная кожа при каждом шаге впиалась в стертые в кровь мозоли. Лодыжки ломило, а непривыкшие к многочасовому переходу мышцы ног налились свинцом и горели огнем. Несколько раз я спотыкалась о глубокие ухабы и падала на колени, пачкая кафтан в жирной придорожной грязи. Солдатский погонщик, сидевший на телеге, лишь грубо хохотал и замахнулся на меня кнутом:

— А ну, шевелись, девка! Будешь отставать — бросим в лесу, волкам на забаву! Никто ради тебя полк останавливать не станет!

К полудню солнце, несмотря на осень, начало припекать сквозь плотное сукно кафтана. Пот градом катился по моему лицу, смывая пыль и оставляя грязные разводы. Безумно хотелось пить. Мой изнеженный организм, привыкший к чистой фильтрованной воде из бутылок, требовал влаги. Когда обоз остановился у мутного лесного ручья, я бросилась к нему вместе с остальными, но вода оказалась теплой, с привкусом тины и болотной гнили. Меня едва не

вывернуло наизнанку, но пришлось пить, давясь отвращением, чтобы просто не упасть от обезвоживания.

Мой разум из 2026 года бился в истерике. Я вспоминала свои глупые жалобы на то, что в фитнес-клубе сломался кондиционер или курьер опоздал с доставкой еды на десять минут. Какими же ничтожными, смехотворными казались те проблемы сейчас, когда я шла по колено в грязи, изнемогая от физического истощения, голода и полной безнадежности. Я была абсолютно одна среди тысяч вооруженных, ожесточенных мужчин, для которых женская жизнь не стоила и ломаного гроша.

Но самым страшным были взгляды. Когда колонна замедляла ход или останавливалась на короткий отдых, я кожей чувствовала, как на меня смотрят солдаты. Они знали, чья я вещь, и не смели подходить близко, боясь ярости графа Адриана. Но в их глазах — голодных, диких, ошалевших от долгого воздержания и близости смерти — читалось такое неприкрытое вожделение, что у меня подгибались колени.

Пару раз мимо обоза на своем холеном коне проезжал князь Филипп. Он держался в седле с высокомерной грацией, поигрывая плетью. Каждый раз, оказываясь возле моей телеги, он намеренно придерживал лошадь. Его светлые, циничные глаза скользили по моей согнутой от усталости фигуре, по испачканному лицу и разорванным сапогам. Филипп кривил губы в торжествующей, издевательской усмешке, словно говорил: *«Смотри, во что твой граф превращает твою красоту. Скоро ты сама приползешь ко мне»*.

К исходу дня, когда сумерки начали сгущаться над бескрайними полями и лесами, полк наконец остановился на ночлег в глухой холмистой местности. Вокруг мгновенно вырос гигантский палаточный город. Запылали сотни костров, над которыми в котелках закипала нехитрая солдатская похлебка.

Я едва держалась на ногах. Мои ступни превратились в сплошное кровавое месиво, спина не разгибалась от боли, а перед глазами плыли темные круги. Я упала прямо на траву возле телеги, мечтая только об одном — закрыть глаза и больше никогда не просыпаться. Липкий, грязный пот покрывал всё тело, холщовая рубаша намертво прилипла к распухшим ссадинам на ребрах. Я чувствовала себя грязным, выброшенным на обочину куском мяса.

— Эй, Марфа! — раздался над головой резкий голос личного адъютанта графа. — Чего разлеглась? Живо хватай кувшин с горячей водой и ступай в шатер его милости. Граф Адриан ждет тебя. И не дай Бог тебе опоздать.

Этот приказ прозвучал как выстрел. Я с трудом поднялась, цепляясь пальцами за деревянное колесо повозки. Мое измученное тело дрожало от усталости, но внутри, под слоями грязи и боли, вдруг с новой силой вспыхнул тот самый пугающий, обжигающий страх пополам с диким ожиданием, который просыпался во мне каждый раз при мысли об этом властном человеке. Я взяла тяжелый медный кувшин и, хромая, волоча ноги, направилась к самому большому, роскошному шатру из темного сукна, над которым развевался фамильный флаг фон Броков. Я понимала, что эта ночь в походном шатре станет для меня настоящим испытанием.

Глава 8

Тяжелый полог из плотного сукна отрезал меня от внешнего мира, погрузив в душную, наполненную ароматами воска, дорогого коньяка и терпкого мускуса полутьму. Походный шатер графа Адриана был огромным, разительно отличаясь от нищеты солдатского быта сна-ружи. На полу лежали толстые персидские ковры, приглушавшие звуки шагов, в углу высился массивный сундук с картами, а в самом центре располагалось широкое походное ложе, застеленное медвежьими шкурами и шелковыми простынями.

Я стояла у самого входа, едва удерживая в онемевших, дрожащих пальцах тяжелый мед-ный кувшин с горячей водой. Мои ноги в жестких сапогах горели от невыносимой боли, а хол-щовая рубаха, пропитанная дорожным потом и пылью, липла к телу.

Адриан сидел за столом, спиной ко мне. Он уже снял кирасу, оставшись в одной лишь тонкой белой рубашке, которая туго обтягивала его мощную спину и широкие плечи. Его длин-ные черные волосы были распущены и влажными прядями падали на воротник. Услышав мое прерывистое дыхание, он медленно повернулся. Его пронзительный взгляд темных, как грозо-вое небо, глаз мгновенно сканировал мою фигуру. Он увидел всё: испачканный грязью кафтан, сбившийся платок, мои искусанные в кровь губы и то, как сильно я дрожала от усталости и страха.

— Подойди, — тихо, но непреклонно приказал он.

Мои колени подогнулись. Я сделала несколько неверных, хромающих шагов вперед и с глухим стуком поставила кувшин на столик возле его ложа. Силы окончательно покинули меня. Голова закружилась, и я едва не рухнула на ковер, но сильные, горячие руки Адриана перехватили меня за талию, рывком притягивая к своему телу.

— Ты едва держишься на ногах, дикарка, — пророкотал он над моим ухом. В его голосе не было жалости, только опасная, хищная мягкость.

— Вы... вы устроили мне ад, — выдохнула я прямо ему в грудь, и слезы обиды, копив-шиеся весь этот бесконечный день, брызнули из моих глаз. Мой разум из 2026 года бунтовал против этой средневековой тирании. — За что вы так со мной? Я шла в грязи, как скотина! Солдаты смотрели на меня... Филипп издевался!

При упоминании Филиппа тело Адриана мгновенно окаменело. Его глаза вспыхнули диким, первобытным огнем ревности. Одним резким движением он сорвал с моей головы пла-ток, заставляя светлые волосы рассыпаться по моим плечам грязными волнами.

— Филипп смотрел на тебя? — процедил граф, и его пальцы больно впились в мой под-бородок, вздергивая лицо вверх. — Пусть смотрит. Он может только исходить слюной, потому что знает — если он прикоснется к тебе, я вскрою ему горло. Ты — моя, Марфа. И этот поход докажет тебе это.

Он не стал слушать моих жалоб. Его ладони опустились на ремень моего кафтана и с силой рванули его. Пуговицы с треском полетели на ковер. Адриан безжалостно сбросил с меня тяжелую верхнюю одежду, оставив в одной тонкой холщовой рубашке. Его горячий, голодный взгляд скользнул по очертаниям моей груди, соски которой отчетливо проступали сквозь ткань от волнения и страха.

— Твое тело принадлежит мне, — прошептал он, и его губы накрыли мои в сокруши-тельном, обжигающем поцелуе.

Это было грубо, властно и невероятно чувственно. Его язык бесцеремонно ворвался в мой рот, сменяя любое сопротивление и заставляя меня стонать от безумного коктейля боли и внезапно вспыхнувшего, запретного вожделения. Я пыталась упереться ладонями в его муску-листую грудь, но мои пальцы сами собой судорожно сжали тонкий шелк его рубашки.

Адриан подхватил меня на руки и швырнул на мягкие медвежьи шкуры походного ложа. Ткань моей рубахи с треском порвалась от ворота до самого подола под его сильными пальцами, обнажая мою бледную, покрытую дорожной пылью кожу. Я вскрикнула, когда его горячие ладони начали бесцеремонно исследовать мое тело — сжимать талию, подниматься к груди, ласкать округлые бедра. Контраст между его жесткими, мозолистыми руками и моей нежной кожей сводил с ума.

Он навис надо мной, полностью блокируя любые движения своим тяжелым, мускулистым телом. Его поцелуи спустились от губ к шее, оставляя багровые отметины засосов, от которых я выгибалась на шкурах, тихо всхлипывая. Жар в шатре стал удушающим. Мой цивилизованный разум окончательно отключился, уступая место первобытным инстинктам этой суровой эпохи. Я чувствовала себя пойманной добычей, которая, вопреки логике, до безумия желала своего охотника.

— Посмотри на меня, — приказал Адриан, раздвигая мои колени своими сильными бедрами.

Я открыла глаза, тяжело дыша, и встретила с его темным, гипнотическим взглядом, в котором горело чистое, неразбавленное вожделение. Одним мощным, уверенным движением он вошел в меня, заставляя меня вскрикнуть и вонзить ногти в его широкие плечи. Боль от стертых в походе ног мгновенно растворилась в новой, ослепительной волне чистого наслаждения.

Адриан двигался внутри меня в жестком, стремительном темпе, не давая пощады. Шатер плыл перед моими глазами, звуки лагеря снаружи исчезли. Были только его тяжелое дыхание, скрип походного ложа и этот сумасшедший, обжигающий ритм, который возносил нас обоих на вершину драматичной, первобытной страсти. Я плакала и стонала, полностью подчиняясь его воле, вплетая свои пальцы в его длинные черные волосы и прижимаясь к нему так близко, словно пыталась раствориться в его теле, спасаясь от жестокости этого чужого мира.

Когда финальная вспышка оргазма накрыла нас, я из последних сил прижала его к себе, слушая, как бешено стучит его сердце. Адриан тяжело опустился на меня, утыкаясь лицом в мои волосы. В эту ночь, посреди военного лагеря, я окончательно признала: пути назад в 2026 год больше нет. Теперь я полностью принадлежала этому безжалостному графу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.